

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИНАЛА КАНУКОВА

Б. Р. ХОЗИЕВ

Отражение в публицистике И.Д. Канукова социокультурных трансформаций российского общества имеет особое значение для изучения всего творчества известного писателя-просветителя второй половины XIX в. Исследователи не раз обращались к публицистическому наследию этого талантливого русскоязычного писателя-публициста (см.: [1; 2, 335-346; 3, 190-195]). Однако в последнее время публицистика Инала Канукова стала привлекать внимание не только литературоведов и историков культуры, но и социологов, педагогов, психологов [4; 5; 6; 7], что свидетельствует о всплеске интереса к творчеству выдающегося писателя. Важно проследить взаимосвязь общественно-политических, социально-политических и социокультурных факторов в осетинском обществе второй половины XIX в. и их осмысление в публицистике Инала Канукова. Именно он первым обратил внимание на новые условия, в которых происходила трансформация традиционных норм в сторону постепенного нарастания европейских форм жизнедеятельности осетин. В творчестве Канукова нашли отражение процессы переориентации социокультурного развития общественной жизни осетин путем освоения традиций русской культуры; он осмысливал перемены в жизни общества, изменявшие не только привычную среду обитания, но и всю структуру тра-

диционной жизнедеятельности этноса, где по-прежнему сильны были кровно-родственные отношения, обычаи, традиции, неписанные этические законы. Осетинский писатель хорошо понимал, что изменившиеся общественно-экономические, социально-политические условия, особенно укрепление административно-политической системы Российской империи, создадут новое, прогрессивное направление для социокультурного развития народа. Так разрушалась традиционная этнокультурная замкнутость, делались первые уверенные шаги к полномасштабному просвещению.

Наряду с этим Кануков не упускал из виду то обстоятельство, что в традиционной осетинской культуре в течение веков выработались свои формы организации общества, свои пути трансляции исторического и духовного опыта. Здесь существовал своеобразный «демократический» тип управления – *ныхас*, который отполировал целый комплекс социального поведения – национальный этикет. Таким образом, в осетинском обществе имели место унаследованные от предков социально ориентированные законы и нормы организации жизнедеятельности. Выработанные в течение длительного исторического опыта неписанные законы, составившие комплексы *Ирондзинад* и *ирон æгъдау*, отразили социальные различия и высокую степень воздействия

на личность традиций, обычаев, нравственно-этических норм поведения. В традиционном обществе индивид всецело подчинялся нормам социального поведения, он являлся частью этнического социума, и его интересы и потребности не разрушали общепринятый поведенческий архетип. Передаваемые из поколения в поколение социокультурные нормы и образцы этического поведения, построенные на их основе тип общественного устройства и духовные потребности индивида совпадали.

Согласно традиционным нормам все члены общества должны были поддерживать то, что способствовало сохранению и упрочению единства и целостности этноса. Начало разрушения патриархальных связей в новых социально-исторических условиях запечатлел в своем творчестве Кануков. Он показал внутриэтнический конфликт, вызванный разрушением традиционного осетинского общества на всех уровнях социальной иерархии; отразил своеобразие социокультурного процесса, порожденного радикальными административно-политическими преобразованиями.

Происходившие социокультурные процессы осмысливались и оценивались писателем-просветителем не отвлеченно, а в художественно выразительных картинах человеческой жизни. В данном аспекте Кануков особенно преуспел в своих путевых очерках («Горцы-переселенцы», «От Александрополя до Эрзурума», «Дуэлисты», «Мотивы осени»), рассказах («В осетинском ауле», «Из осетинской жизни», «В пасмурный день»), статьях и корреспонденциях («Положение женщины северных осетин», «Кровный стол (из горских обрядов)», «Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев»,

«Танцы и мода у кавказских горцев»), биографических заметках и обзорах («Что читать народу», «Сибирский сборник»).

Наблюдения за изменяющимся социокультурным фоном содержатся в основном в художественной публицистике Канукова. К ним прежде всего следует отнести его статьи и очерки «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев» [8], «К вопросу о колонизации Южно-Уссурийского края» [9], «О современных факторах сибирской жизни» [10]. Но при этом они являют собой еще и типичный образец художественного нравоописательного очерка с присущим ему глубоким исследованием быта народа с привлечением фактов, героев, характерных для реалистической, художественной прозы. Путевые заметки, очерки и статьи Канукова – художественная публицистика, где повествуется о путешествиях автора по бескрайним просторам Российской империи от Владикавказа до Владивостока. В публицистических произведениях показана широкая панорама общественных нравов, обычаев, социального устройства многочисленных народов страны, дается анализ общественной жизни осетин, русских, кабардинцев, чеченцев и других народов России, рельефно воспроизводится их национальная специфика и общественный уклад. Он пишет о национальном быте, религиозных верованиях, фольклорных традициях, красоте родного края и т.п. При этом в реалистических картинах, созданных Кануковым, вырисовываются общественно-политические взгляды самого публициста, который далек от идеализированного романтического восприятия жизни. Главное его желание – добиться социального прогресса в общественной жизни россиян.

Рассказывая о жизни простых людей, Кануков ставил вопрос о развитии русских и национальных окраин в общероссийском масштабе. Он сам принадлежал к дворянскому кругу, но это не мешало ему давать объективную картину существующей действительности. Публицист достиг нового художественного уровня, продемонстрировав идейно-художественные возможности очерка для передачи не только историко-этнографических наблюдений из жизни Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, но и для проведения социокультурного анализа российского общества пореформенного периода, для познания его писанных и неписанных законов. Характерно, что автор открыто высказывает свои социальные и общественно-политические взгляды, касающиеся разных сторон жизнедеятельности народов. Кануков не приемлет сословных привилегий в российском обществе, его симпатии полностью на стороне социальных низов. Об этом он говорит открыто, отмечая глубину социального расслоения, высказывая свою приверженность к прогрессивным формам жизни, просвещения и культуры.

Произведения Инала Канукова активно печатались в газетах Сибири и Дальнего Востока. Все они были предназначены для российского читателя, знакомящегося с жизнью окраинных народов. В своем творчестве писатель плодотворно развивает традиции русской публицистики в отображении социальных, бытовых и нравственных аспектов бытия российского общества. Социальный анализ жизни трудящихся в новых общественно-политических условиях он проводит в более углубленном реалистическом плане, показывая конкретные явления из жизни сибиряков и дальневосточников. В рассказе

«Мотивы осени (из заметок хроникера)» [11] писатель говорит о сущности художественного творчества и взаимоотношениях репортера с читателями: «Репортер – о, это такой всевидящий аргус, от которого редко когда скрываются дела и помыслы окружающих людей, когда он настороже на своем наблюдательном посту. Жаль только, что он не всегда может поведать в беседе с читателем все то, что не сокрыто от его телесного и умственного взора...» [11, 240]

Мировоззрение Канукова сложилось под воздействием русской общественной мысли и культуры середины – второй половины XIX в. В своей публицистике он отразил широкую панораму социальной жизни многих народов, проживавших на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке. Писателя беспокоили и волновали отсталость и невежество соотечественников, которые мешают им найти свое место в новых исторических условиях. Кануков активно пропагандирует идею социального прогресса, с которым он связывает перспективы развития культуры и быта россиян, подчеркивает необходимость решительного преобразования их социально-бытового уклада на основе европейского жизнеустройства: он осуждает те устои жизни, которые мешают развитию прогрессивных тенденций.

В социальной организации осетинского общества алдаро-бадеятскому сословию были предоставлены неограниченные права. В очерке «Горцы-переселенцы» [12] на примере собственной семьи и своего отца Кануков показывает экономическую и юридическую зависимость крестьян от знати; он замечает, что жизнь отца до переселения в Турцию была праздная. Существующие правовые отноше-

ния давали ему и другим старшинам неограниченную власть над простым народом. Единственная забота Дудара Канукова заключалась в «совершенном владении своим оружием, конной ездой, купании серого коня и в продолжительных разъездах по друзьям» [12, 81]. К такому праздному образу жизни Дудара с неодобрением относились не только крестьяне, но и собственные дети: «Когда, бывало, собирался он в балц, – пишет Инал Кануков, – это мать и сестра просиживали целые дни за шитьем для него платья (скорее всего черкески. – Х. Б.), нарядившись в которое он уезжал надолго со двора. Куда? Не знала ни одна душа. Через месяц или два обыкновенно он возвращался, но в сопровождении целой кавалькады; тут были и кабардинские и кумыкские князья, и все они в свою очередь гостили у нас более или менее продолжительное время» [12, 81]. После возвращения из Турции происходит переоценка ценностей.

Автор бескомпромиссно указывает на социальные основы во взаимоотношениях людей (отца и холопов, отца и старшин) внутри осетинского общества. На примере образа Хасана рождается новое понимание места горца в жизни, его долга, чести и достоинства. Не случайно в конце очерка автор уверяет читателя: «Против могущественного напора цивилизации не устоят никакие традиции старины. И слава Богу, – одобрительно отмечает он, – что цивилизация забросила к нам луч свой, наконец, мы видим и железную дорогу: свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы» [12, 86-87].

В художественной публицистике Канукова проводятся демократиче-

ские идеи. В ней поставлена проблема социально-культурного самосознания интеллигенции, столкновения с регрессивным миром, трагической разобщенности осетинского народа, прослеживается процесс идейно-нравственного развития и идейно-художественных исканий героя, в образе которого воплощены типические черты представителя пока еще немногочисленной образованной молодежи Осетии, жаждущего просветительской деятельности, но не получившего возможности активно действовать. Отсюда внутренняя неудовлетворенность героя писателя и вызванные ею трагические настроения и переживания. Кануков подчеркивает: «В недалеком грядущем вижу якорь спасения – свет науки, жажду ума и водоворот другой, более осмысленной жизни...» [13, 154]

По убеждению автора, новые, европейские, образцы жизни плохо еще вписываются в традиционное осетинское общество. Поэтому, видя несовершенство общественного мироустройства у соотечественников, публицист познает горечь разочарования; понимает несбыточность своих культурных «прожектов», но все-таки верит в будущность своей родины. По мнению автора, «жизнь без прогресса немислима», прошлое время ушло безвозвратно, ибо «прогресс есть мерило жизнеспособности... народа» [14, 340]. Сам прогресс же заключается в восприятии от других народов всего хорошего и жизнеспособного: «Поднятие промышленности, проведение дорог, утверждение прав справедливости и законности – вот что нам надо теперь сделать для того, чтобы двинуть Сибирь вперед», – пишет он о перспективах развития сибирского края [14, 340]. Передовые социальные идеи И. Канукова нашли свое продолжение и развитие в тру-

дах его современников и соратников И. Тхостова, братьев Г. и Дж. Шанаевых, А. Гассиева.

Заслуживают серьезного внимания и социологические аспекты публицистики Канукова. Таковы его статьи и очерки «Положение женщины у северных осетин» (1875), «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев» (1879), «Несколько слов о положении школ и учителей в Южно-Уссурийском крае» (1890), «О положении русского рабочего на Дальнем Востоке» (1891), «О современных факторах сибирской жизни» (1894), «Что читать народу» (1889), «Школьное обозрение» (1889), в которых содержатся интересные социологические наблюдения за национальным укладом жизни народов Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, своеобразием общественной организации и традиционного быта. Поставив перед собой благородную задачу правдиво показать не только памятные эпизоды из жизни отдельного человека, но и события социально-исторического характера, публицист поднимает важные социокультурные и общественно-исторические проблемы. Говоря о характерных обычаях у осетин, кабардинцев и чеченцев, Кануков связывает их с особенностями общественного устройства горцев. Он полагает, что при отсутствии государственной власти существовавшие формы объединения и взаимозащиты были целесообразны и оправданы практической жизнью. Но Кануков выявляет причины социальной отсталости северокавказских народов, увязывая идею социального прогресса и их культурного возрождения с решением проблемы народного образования, которую он считал наиважнейшей, требующей скорейшего разрешения.

Характеризуя общественно-политическое положение кавказцев в составе Российской империи во второй половине XIX в., Кануков не скрывал, что закономерным последствием Кавказской войны оказывается настроенное отношение горцев к русским. И, по его мнению, политику мирного сближения горцев с Россией следует проводить без надменного и покровительственного великодушия. С другой стороны, он укоряет горцев в изоляционизме, считая, что кавказцы с Россией должны пойти по пути культурного развития, и в этом им должны помочь образование и культура. В рамках этой проблемы Кануков выявляет основные тенденции, способствующие сближению народов и их взаимопониманию. Особого внимания заслуживают социокультурные аспекты в его исторических рассказах и заметках «В осетинском ауле» (1875), «Горцы-переселенцы» (1876), «Из осетинской жизни» (1876). В них автором были подняты важные проблемы, волновавшие горскую общественность в течение всего девятнадцатого столетия.

Идеи писателя-публициста о равноправии всех без исключения народов, проживающих от Владикавказа до Владивостока и составляющих ядро многонационального и многоконфессионального государства, об уважительном отношении к духовным потребностям каждого из них, о межнациональном общении и культурном взаимообогащении, праве развития народов на основе национальной самобытности не потеряли своей актуальности и сегодня. В его рассказах, статьях, очерках и заметках ярко проявились такие особенности, как социальная тенденциозность, острая полемичность, эмоциональность и мудрость речи. В них присутствует обстоятельная характеристика общественно-политического поло-

жения горцев во второй половине XIX в., рассмотрен процесс глобальной социализации их жизни. Идеино насыщенные, граждански целеустремленные, стилистически отточенные статьи Канукова являют собой яркий образец российской социальной публицистики последней четверти XIX в.

Таким образом, анализ социокультурных аспектов в публицистическом наследии Инала Канукова позволил нам обозначить основные параметры социальной динамики этнокультурных процессов в российском обществе пореформенного периода. Творчество И. Канукова, развивавшееся от соци-

ально-романтического этнографизма и идей просветительства второй половины XIX в. до социально-активной, политически заостренной публицистики конца XIX в., отразило особенности переходной эпохи, когда еще не были созданы необходимые условия для глобального культурного «прорыва» россиян к мировой цивилизации. Тем не менее, многочисленный слой европейски образованной интеллигенции, представленный прогрессивно мыслящими русскоязычными писателями-просветителями, во многом способствовал формированию новой национальной культурной среды.

1. Суменова З. Инал Кануков: жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1972.
2. Габараев С. Ш. Инал Кануков // Там же. С. 335-346.
3. Гаглойти Л. П. Кавказ в творчестве Инала Канукова // Дарьял. 2002. №2. С. 190-195.
4. Хачиров А. Результат широкого поиска // Социалистическая Осетия. 1973. 15 февраля.
5. Овчаренко А. Талант открытия // Литературная Россия. 1973. №4 (1 ноября).
6. Надъярных Н. Восполненное звено // Вопросы литературы. 1973. №10. С. 238-243.
7. Кулова М. Р. Мотив одиночества в ранней лирике осетинских поэтов рубежа XIX-XX веков // Социально-культурные аспекты взаимодействия русской и осетинской литератур: Сборник научных трудов. Владикавказ, 2007. Вып. 4. С. 3-14.
8. Кануков И. Д. К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // В осетинском ауле: Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985. С. 300-305.
9. Кануков И. Д. К вопросу о колонизации Южно-Уссурийского края // В осетинском ауле... С. 305-315.
10. Кануков И. Д. О современных факторах Сибирской жизни // В осетинском ауле... С. 408-411.
11. Кануков И. Д. Мотивы осени (из заметок хроникера) // В осетинском ауле... С. 213-242.
12. Кануков И. Д. Горцы-переселенцы // В осетинском ауле... С. 61-87.
13. Кануков И. Д. Захолустье (страничка из дневника) // В осетинском ауле...
14. Кануков И. Д. Краткий очерк экономического состояния Забайкальского края в связи с проведением через него железной дороги // В осетинском ауле...